

Глава 3: Первая встреча

Допрос закончился, пленника оправдали и освободили прямо на месте.

Жун Цзюнь весело болтал с Системой в своей голове, когда вдруг заметил Главного распорядителя, направляющегося к выходу в сопровождении подчиненных. Он не раздумывая пристроился следом.

Миссия была простой, но ему нужно было дожить до момента, когда на трон взойдет новый Император.

Возвращение в поместье первого министра означало постоянную паранойю: следить за каждой крошкой еды и каплей воды, чтобы не отравиться. К тому же пришлось бы вступить в изматывающую схватку с хозяйкой дома в бесконечных семейных интригах.

Одна мысль об этом вызывала мигрень.

Система: [У хитрого кролика всегда три норы. Малыш Жун, это мой любимый эпизод в твоём исполнении.]

Жун Цзюнь: «...Найди время и обнови себе прошивку».

«У хитрого кролика три норы» — и сейчас он как раз собирался обустроить еще одну.

Впереди один из подчиненных сурово преградил Жун Цзюню путь.

— Крестный, — позвал Жун Цзюнь, фамильярно обращаясь к высокой и тонкой фигуре впереди.

Главный распорядитель даже не обернулся, лишь слегка скосил взгляд в сторону, отдавая приказ Бу Сяню:

— Отвези его к Юйчжуну.

Жун Цзюнь понятия не имел, кто или что такое «Юйчжун», но прикинул, что это уже четвертый его переезд за сегодня.

Система, которой было лень обновляться, снова подбодрила его: [Малыш Жун, ты просто космос. Четыре спальных места за один день!]

Сначала поместье первого министра, затем постоянный двор, тюрьма, а теперь — снова в путь.

После такой чехарды он просто обязан был в итоге приземлиться в уютном гнездышке.

Сам Жун Цзюнь тоже был вполне доволен. По десятибалльной шкале он бы оценил эту «миграцию» на девятку. По крайней мере, в одну сторону его везли на карете. Зачем идти пешком пятьсот метров, если можно ехать?

Лошади в Комитете распорядителей были куда породистее обычных: быстрые и выносливые.

Получив приказ Главного распорядителя, Бу Сяню ничего не оставалось, кроме как лично сопровождать Жун Цзюня. Вид этого повесы, который развалился в карете, начисто забыв о приличиях, вызывал у Бу Сяня зуд в руках — так и подмывало его выпрямить.

Жун Цзюнь тем временем принял еще более расслабленную, «бескостную» позу, глубоко нахмурившись.

Возможно, из-за того, что на его лице читалась явная усталость, а в крови все еще бродил яд, Бу Сянь почувствовал укол сострадания. Для человека, отравленного редким токсином, выглядеть болезненно было вполне естественно.

Он решил предостеречь парня:

— Генерал Се вернется в столицу самое позднее послезавтра. Он крайне строг в вопросах дисциплины. Если тебе нечего делать, старайся не попадаться ему на глаза.

«Генерал?» — Жун Цзюня осенило.

— Так Юйчжун — это человек?

— ...

Судя по благоговению в голосе Бу Сяня, этот человек явно не был простым смертным. Поскольку дело касалось его будущего «арендодателя», стоило разузнать о нем побольше.

Бу Сянь сначала подумал, что Жун Цзюнь издевается, и помрачнел. Но, увидев настойчивость в глазах парня, понял: тот действительно не в курсе.

— Ты вообще гражданин Лян? — саркастично спросил он.

Жун Цзюнь серьезно ответил:

— Я — столичный щеголь династии Лян. Я ем, пью и развлекаюсь целыми днями, не интересуясь тем, что происходит за окном. — И смиренно добавил: — Пожалуйста, просвети меня, дай почувствовать себя полноценным человеком!

У Бу Сяня сегодня не в первый раз запульсировало в виске.

Жун Цзюнь выуживал информацию самым наглым образом и вскоре составил общее представление. «Юйчжун» было вторым именем генерала Се Яньчжоу.

Се Яньчжоу отправился на войну в четырнадцать, а уже через два года получил под командование отряд, стяжав великую славу на поле боя. Сейчас ему было немногим за двадцать, он был не женат, и весть о его возвращении заставила дворец готовить пышный банкет, куда многие чиновники планировали привести своих дочерей.

Однако путь этого «юного бога войны» не был усыпан розами. Его отец погиб в бою, когда мальчику было семь, а мать вскоре скончалась от болезни. Позже его усыновил Главный распорядитель, который был сокурсником его отца. Пройдя через бесчисленные опасности на передовой, Се Яньчжоу наконец раскрыл свой талант полководца.

— На границах неспокойно. Народ Ужун искусен в войне; даже покойному Императору приходилось несколько раз склонять перед ними голову.

Голос Бу Сяня похолодел:

— Генерал Се выступает за войну, в то время как премьер-министр Жун — за мир. Из-за препятствий, которые чинил Правый первый министр, мы не раз упускали военное преимущество.

Жун Цзюнь уловил скрытую насмешку.

Ненависть к дому распространяется и на его обитателей. Любой, кто связан с поместьем первого министра, будет как бельмо на глазу у солдат. С триумфальным возвращением Се Яньчжоу спокойная жизнь Жун Цзюню явно не светила.

Карета остановилась. Тяжелые черные ворота медленно отворились, и навстречу вышел управляющий с фонарем. Бу Сянь спрыгнул на землю, бросил пару коротких указаний и, наградив Жун Цзюня взглядом «удачи, она тебе понадобится», укатил прочь.

Жун Цзюнь последовал за управляющим. Свет фонаря едва рассеивал тьму, а луну скрыли тучи. Резиденция казалась огромной и пустой. Передний двор был превращен в плац для тренировок, а задний был таким просторным, что там можно было устраивать скачки. Здесь совершенно не чувствовалось домашнего уюта. Слуг было ничтожно мало, и, судя по их выправке, все они были воинами.

— Ты будешь жить в Западном дворе. Не смей соваться в другие комнаты, — холодно распорядился управляющий.

Жун Цзюнь торжественно пообещал:

— Вы можете полностью положиться на мою порядочность.

Поместье генерала было прохладным и тихим — идеальное убежище для такого бездельника, как он. Он бы не ушел отсюда, даже если бы ему доплатили.

Когда управляющий ушел, Жун Цзюнь осмотрел новое жилье. Видимо, к возвращению генерала здесь все вычистили. Он быстро умылся, зевнул и повалился на кровать.

— Ухожу в спящий режим. Завтра утром нужно будет выбивать долги... лежа.

Система: [Что?]

Ответа не последовало. Жун Цзюнь уснул в ту же секунду, как закончил фразу.

На следующее утро, за исключением пары человек, все были на ногах ни свет ни заря. Император проводил утренний прием, а простолюдины принимались за работу.

Сегодняшнее заседание суда обещало быть захватывающим — зрелище, которое случается раз в десятилетие. Чиновники уже давно пронюхали о «шоу», разыгравшемся в поместье первого министра. Сын Правого первого министра внезапно признает отцом случайного человека на улице, впутывается в дело об убийстве, а потом выясняется, что его отравили смертельным ядом! Каждого из этих событий по отдельности хватило бы, чтобы поднять шум на всю столицу.

Когда-то в Великой Лян упразднили систему первого министров, но со времен императора Вэня она была восстановлена. Однако при нынешнем правителе все было иначе: власть первого министра разделили на две части. Правый первый министр, Жун Чэнлинь, обладал высоким статусом, в то время как Главный распорядитель фактически занимал пост Левого первого министра.

Два высших чиновника враждовали годами: один ратовал за войну, другой — за мир. Перебивая им косточки, министры жалели, что не умеют общаться по губам, чтобы не привлекать внимания.

Наставник императора, Су, впервые сам подошел к Главному распорядителю с мрачным видом.

— Слухи правдивы?

Главный распорядитель кивнул.

— Хорошо. Отличная работа, Жун Чэнлинь.

Узнав, что его дочь едва не выдали за человека, который одной ногой в могиле, старик Су не

спал всю ночь от ярости. Если бы свадьба состоялась, на его дочь навесили бы ярлык «проклятой невесты», изводящей мужей.

Внезапно разговоры стихли. Раздались звуки колоколов и барабанов — чиновники почтительно приветствовали Императора. Нынешний правитель не унаследовал сурового величия своего предшественника; он выглядел заурядно, но держался подчеркнуто дружелюбно.

Как только он занял трон, наставник Су поднялся, намереваясь подать жалобу на Правого первого министра. Но Император, мысли которого все еще витали в объятиях наложниц, не спешил с решениями. Вместо этого он с преувеличенным восторгом посмотрел на Главного распорядителя:

— Поздравляю моего верного подданного с обретением благородного сына!

Зал погрузился в тишину. Кроме первого министра, нынешний двор был лишь эхом воли Императора. Раз государь заговорил в таком ключе, а Правого министра не было на месте, никто из его фракции не посмел возразить.

После долгой паузы министрам пришлось скрепя сердце хором проскандировать:

— Поздравляем Главного распорядителя с обретением благородного сына!

Главный распорядитель, казалось, предвидел это. Стоя во главе чиновников, он ясно видел игру каждого, включая самого Императора. Это была очередная попытка сгладить углы и сохранить баланс сил. Раньше Правый министр затенял его, и теперь Император искусственно возвышал распорядителя.

Распорядителю это наскучило. Ему вдруг стало любопытно, чем сейчас занят тот непредсказуемый юноша.

Солнце уже стояло высоко, а «благородный сын» все еще не соизволил выбраться из постели. Он поднялся только тогда, когда лучи начали припекать ему пятки. Неспешно позавтракав, он нанял двадцать карет и отправился в путь.

Кортеж выстроился ровной шеренгой перед воротами поместья первого министра. Услышав новости, жена министра, Чжэн Вань, поспешно вышла навстречу. За один день она успела пережить и триумф, и крах. Одно небо знало, как она радовалась, когда Жун Хэнсуна упекли в Комитет распорядителей, и как горько ей стало, когда все перевернулось с ног на голову. Теперь слухи один гнуснее другого ползли по улицам, а люди уже в открытую называли ее «ядовитой женщиной». В этот момент Чжэн Вань была безмерно благодарна, что мужа и сына нет в столице — это давало ей хоть какую-то передышку.

— Сун-эр, — она выдавила улыбку, глядя на вернувшегося пасынка. — Ты столько натерпелся.
— Она подошла ближе, изображая фальшивое беспокойство: — Не верь всему, что болтают в Комитете распорядителей. Они мастера сеять раздоры.

Жун Цзюнь послушно закивал:

— Матушка всегда была ко мне добра. Я это ценю.

Увидев, что парень такой же простофиля, как и раньше, Чжэн Вань расслабилась, и ее тон стал увереннее:

— Мои люди сказали, что Комитет распорядителей поселило тебя в другом месте. Если твой отец узнает, будет скандал. Ты должен немедленно...

Жун Цзюнь пропустил мимо ушей попытку надавить на него авторитетом папаши и перебил:

— Я нашел знаменитого врача и сейчас прохожу лечение. Мы обсудим все остальное, когда отец вернется. — Заметив, что Чжэн Вань хочет возразить, он многозначительно добавил: — Врач говорит, что мой организм крайне слаб. Я могу упасть замертво в любой момент.

Чем дальше он говорил, тем печальнее становилось его лицо.

— Если я вернусь в поместье и со мной что-то случится, люди, не знающие правды, могут подумать на вас. Это будет нехорошо... Я ведь забочусь о вашей репутации.

Чжэн Вань застыла. Кормилица, стоявшая за ее спиной, тоже вздрогнула. Стоит признать, логика в его словах была железная. С его бледным видом он и впрямь мог испустить дух в любую минуту.

Закончив этот спектакль о «сыновней любви», Жун Цзюнь перешел к делу:

— Тот врач сказал, что для исцеления мне нужно огромное количество редких сокровищ, чтобы поддерживать жизнь. Так что я приехал специально, чтобы кое-что забрать.

Чжэн Вань почуяла неладное, но не успела и рта открыть, как Жун Цзюнь велел управляющему вести его в сокровищницу. Миновав коридор, они оказались в запретной зоне поместья. Правый первый министр никогда не стеснялся принимать подношения. В последние десятилетия в Лян дошло до того, что государственными должностями торговали в открытую.

Двое слуг с трудом распахнули тяжелые двери. Горы сокровищ и нефрита ослепили своим блеском. Жун Цзюнь впервые воочию увидел, что значит «награбленное десятилетиями».

Сначала он велел принести кресло-качалку прямо во двор и устроился в нем, подставив лицо солнцу.

— Для начала принесите олени панты...

Служанка инстинктивно посмотрела на подбежавшую Чжэн Вань. «Всего лишь несколько ингредиентов», — подумала та и кивнула.

Этот кивок стал фатальной ошибкой — «аппетит» Жун Цзюня оказался поистине львиным!

— Три ящика Кровавого Линчжи, десять корней тысячелетнего женьшеня, сто цзиней кордицепса, — затараторил Жун Цзюнь, высыпая названия редчайших трав как из рога изобилия. — Цистанхе, золотой корень, восьмиугольный лотос, железная дендробия...

Слуги не успевали выносить добро. Солнце медленно клонилось к закату. И хотя он почти не брал золото и украшения, глядя на то, как пустеет угол склада с лекарствами, Чжэн Вань не выдержала.

— Сун-эр, — проскрежетала она зубами, — любое лекарство — это отчасти яд. Столько трав принесут тебе только вред.

Жун Цзюнь серьезно пояснил:

— Врач особо подчеркнул, что это лишь основа для снадобий. Откуда бы я, по-вашему, узнал все эти названия?

Действительно, неотесанный повеса не мог выучить столько названий трав за одну ночь.

— Когда в городе узнают, что матушка не пожалела таких богатств ради надежды продлить мне жизнь, все будут растроганы, — он сделал паузу и игриво добавил: — И если после этого со мной что-то случится, все будут знать, что вы сделали все возможное.

Жун Цзюнь продолжал перечислять десятки названий, ни разу не повторившись. Вдобавок он потребовал меха и благовония, жалуясь на озноб и бессонницу.

Двадцать карет наконец были забиты до отказа. Жун Цзюнь лениво поднялся и ткнул пальцем в двух слуг, чтобы те следовали за ним.

— На сегодня хватит. Если понадобится еще — я вернусь.

Игнорируя взгляд мачехи, в котором читалось желание сожрать его заживо, он деловито распорядился:

— Эй, а на крыше кареты еще осталось место? Быстро накройте ее парой норковых шуб. Не хватало еще, чтобы карета простудилась в такую жару.

Чжэн Вань окончательно потеряла самообладание, но в этот момент с улицы донесся шум. Не зная, на ком выместить злость, она рявкнула:

— Пойдите посмотрите, из-за чего там шумят!

В этом районе жили сплошь сановники, и шум здесь был строго запрещен. Кормилица быстро сбегала к воротам и вернулась, бросая на Жун Цзюня злорадные взгляды. Но тот был слишком занят своим «караваном», чтобы обращать на нее внимание. Добившись своего, он зашагал прочь походкой человека, который явно планирует повторить визит.

Внешний город содрогался от ликующих криков. Великая Лян годами была слаба, казна пустовала, а гражданские чиновники ради выживания были готовы отдавать земли врагу. Эта великая победа значила для народа всё.

— Ужуны разбиты! Наконец-то мы дали им сдачи. Говорят, генерал Се лично ворвался в лагерь врага, сжег их припасы и срубил голову вождю южных жунов.

— Его Величество в восторге. Высочайшим указом генералу позволено ввести в столицу тысячу личных гвардейцев.

Услышав это, какой-то ученый кисло заметил:

— Се Яньчжоу — приемный сын Главного распорядителя. Одного поля ягоды. Император слишком благоволит военным, это тревожный знак.

Несмотря на подвиги, Се Яньчжоу многие недолюбливали за жестокость — там, где проходила его «Серебряная конница», оставались горы трупов. Ученый, только что ворчавший на генерала, даже не рискнул поднять глаза, когда мимо проехал всадник на боевом коне, чьи копыта были покрыты запекшейся кровью.

Позади везли клетки с пленными жунами. Те плевались и выкрикивали проклятия. Се Яньчжоу не оборачивался. Он лишь на ходу ударил ножнами по железным прутьям клетки. Конь пленника шарахнулся, а сам он от рывка прикусил себе язык. Зрелище было жутким. Улица мгновенно затихла.

Армия вошла в город. Когда толпа поредела, один из офицеров подъехал к генералу:

— Генерал, из надзора передали, что бюджет на второе полугодие утвержден. И еще... — офицер замялся. — Распорядитель усыновил еще одного сына. Сейчас он живет в вашей резиденции.

Никто не знал подробностей, но новость о том, что сын первого министра поселился у генерала, вызвала у солдат скорее отвращение, чем шок. О репутации этого «сынка» ходили легенды: жестокий, надменный, притесняющий простых людей... Среди солдат были те, кто ушел на фронт именно из-за притеснений таких вот сынков.

— Хотите, мы найдем способ... — начал было верный помощник.

Се Яньчжоу поднял руку, прерывая его. Он не собирался тратить время на обсуждение пустяков и велел продолжать доклад о жалованье.

Когда они приблизились к воротам поместья, дорогу преградил караван тяжело нагруженных карет. Офицеры рефлекторно схватились за оружие. Но, присмотревшись, они замерли в изумлении.

Кареты двигались бесконечной рекой. Из-за перегруза они еле ползли. Возле входа в поместье генерала уже всюду кипела работа: грузчики таскали в дом сундуки, которые стоили целых состояний.

— Осторожнее! — командовал слуга из поместья министра. — Вы хоть знаете, сколько это стоит? Если разобьете — вовек не расплатитесь! Живее несите травы, им нельзя на солнце!

Даже сундуки были инкрустированы золотом. Это походило на «приданое в десять ли», которое собирают на свадьбу богатейших невест, только в разы масштабнее.

Под ошеломленными взглядами солдат из кареты, накрытой норковыми шубами, высунулась бледная холеная рука и отодвинула занавеску. Юноша в алом халате лениво выбрался наружу, прижимая к себе нефритовую подушку, которую он прихватил в последний момент.

Карета Жун Цзюня остановилась аккурат перед мордой боевого коня Се Яньчжоу. Пыль попала парню в нос, и он чуть не чихнул. Жун Цзюнь отступил на шаг и внезапно столкнулся взглядом с суровым, закаленным в боях генералом.

«А, хозяин вернулся».

Глядя на свои несметные сокровища, Жун Цзюнь расплылся в улыбке и первым поприветствовал его:

— Здравствуйтесь, генерал!

От автора:

Жун Цзюнь: Красив, богат, чертовски состоятелен.

<http://bllate.org/book/15777/1570615>